

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Леонов Максим Вадимович

Соискатель, ассистент, ФГБОУ ВО Байкальский
государственный университет, (г. Иркутск)
leonovmaksimvad@yandex.ru

CULTURAL TIME IN TRANSLATION: CULTURAL-HISTORICAL DYNAMICS OF TRANSLATION CHOICES IN ENGLISH TRANSLATIONS OF I.S. TURGENEV'S NOVEL FATHERS AND SONS

M. Leonov

Summary: The article examines how the cultural time of the receiving culture shapes translation choices in English versions of I. S. Turgenev's *Fathers and Sons*. The material includes selected fragments from Chapter VI in six translations: Eugene Schuyler (1867), Constance Garnett (1895; the working text used in the corpus is a later reprint), C. J. Hogarth (1921), Richard Hare (1947), Richard Freeborn (1991), and Nicolas Pasternak Slater with Maya Slater (2022). The study combines comparative translation analysis with the concepts of translation norms, retranslation, and domestication/foreignization. It shows that shifts in register, pragmatic force, euphemisation, and cultural framing correlate with changing target-culture expectations and reflect the historical dynamics of translation norms.

Keywords: cultural time, translation norms, retranslation, domestication, foreignization, Turgenev, English translations.

Аннотация: В статье рассматривается, как историческая норма принимающей культуры влияет на переводческие решения в английских версиях романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Материалом служат фрагменты главы VI в переводах Ю. Скайлера (1867), К. Гарнетт (1895; анализируется позднейшее издание текста перевода), Ч. Дж. Хогарта (1921), Р. Хэйра (1947), Р. Фриборна (1991), Н. Пастернака Слейтера и М. Слейтер (2022). В центре внимания находятся не общие различия между переводчиками, а конкретные места, где меняются регистр, степень речевой прямоты, эвфемизация и культурное пояснение. Показано, что перевод главы VI фиксирует смену англоязычных ожиданий: от ранней объяснительности и сглаживания резкости к большей готовности сохранять разговорную энергию, телесную лексику и чуждость тургеневского диалога.

Ключевые слова: время культуры, художественный перевод, переводческие нормы, ретрансляция, доместикация, форенизация, Тургенев.

Введение

Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» строит конфликт поколений не как отвлечённый спор идей, а как столкновение речевых привычек, культурных авторитетов и моделей поведения. Глава VI особенно показательна: в ней аристократически-гуманитарный код Павла Петровича сталкивается с научно-утилитарной логикой Базарова. Для анализа перевода этот фрагмент важен потому, что выбор английского регистра, степени прямоты и объёма пояснения сразу меняет распределение сил в диалоге.

Научная проблема связана с тем, что различия между переводами классического текста часто описываются как частный выбор переводчика: один «точнее», другой «свободнее», третий «современнее». Для главы VI романа «Отцы и дети» такой подход недостаточен. Повторяются не отдельные случайные замены, а целые способы обращения с русским текстом: ранние версии поясняют и смягчают, средние ищут литературную управляемость, поздние чаще оставляют резкость и культурную неров-

ность. Следовательно, сопоставление переводов позволяет говорить о норме эпохи, а не только об индивидуальной манере.

Цель исследования. Показать, каким образом нормы целевой англоязычной культуры разных периодов отражаются в переводческих решениях при передаче ключевых реплик главы VI романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и как эти решения репрезентируют «время культуры» перевода.

Задачи исследования:

- уточнить рабочее понимание понятия «время культуры» применительно к художественному переводу и соотнести его с категориями переводческих норм, ретрансляции, доместикации и форенизации;
- выявить на материале шести английских переводов повторяющиеся типы сдвигов прагматики, регистра, эвфемизации и культурной адаптации и описать их как проявления историко-культурной динамики.

Методы исследования. В работе применяются сопоставительный текстовый анализ, прагматико-стилистический комментарий и элементы дескриптивного перевода: внимание сосредоточено на повторяющихся решениях, которые можно интерпретировать как следствие переводческих норм определённой эпохи.

Теоретическая значимость статьи состоит в уточнении применимости категории «время культуры» к художественному переводу как исторически обусловленному процессу. Работа демонстрирует, как данная категория может быть использована для анализа микроуровня текста — отдельных реплик, иронических замен, сниженной лексики и прагматического оформления конфликта.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использовать полученные результаты в курсах по теории и практике художественного перевода, в сопоставительном анализе переводов русской классики, а также при подготовке корпусного анализа ретрансляций литературного текста.

Научная новизна заключается в том, что «время культуры» рассматривается не как общая характеристика эпохи, а как наблюдаемый в тексте набор повторяющихся решений, соотносимых с нормами целевой культуры.

Перевод классического произведения всегда создается из определенной исторической позиции. Переводчик работает не только со словарем оригинала: он соотносит текст с тем, что в его культуре считается литературно допустимым, разговорно приемлемым, нуждающимся в пояснении или, напротив, оставляемым как знак чужого мира. Поэтому один и тот же тургеневский диалог в разные периоды может быть оформлен как сдержанная викторианская проза, учебно прозрачный текст, академически выверенная версия или более резкая современная реплика.

В статье термин «время культуры» обозначает не календарную дату перевода, а совокупность ожиданий целевой культуры: как передавать сниженное слово, можно ли оставлять русскую реалию без пояснения, где проходит граница между литературной плавностью и речевой грубостью, допустима ли синтаксическая неловкость [7]. В главе VI эти вопросы особенно заметны, поскольку спор Базарова и Павла Петровича строится не только на тезисах, но и на регистре, иронии и несовпадении коммуникативных кодов [11].

Такое понимание связано с представлением о культуре как о памяти, которая не хранит текст в неизменном виде, а каждый раз перенастраивает его чтение [7]. Английский читатель 1860-х годов, конца XIX века, послевоенного периода и начала XXI века встречает не «один

и тот же» готовый Тургеневский роман, а текст, заново помещенный в систему жанровых ожиданий, речевых ограничений и представлений о русской литературе.

Дополнительную опору для понятия «время культуры» дают исследования, опубликованные в журнале БГУ. В.Е. Глызина, Н.Е. Горская и Е.С. Белоусова рассматривают перевод временных указателей как задачу, связанную с культурной трактовкой времени; М.В. Паюнена показывает язык как фактор социальных перемен и индикатор состояния культурной среды [5; 8]. Для анализа главы VI это существенно: в переводе меняется не только набор английских слов, но и способ языковой организации социальной и ценностной реальности.

Категория переводческой нормы позволяет отличить повторяющуюся историческую тенденцию от отдельного переводческого вкуса. Если несколько версий одного периода сходно смягчают физиологическую лексику, расширяют русскую реплику пояснением или переводят разговорный выпад в более книжный регистр, такие решения уже нельзя объяснить только индивидуальной привычкой. Они показывают, каким в данной культуре представлялся приемлемый перевод классики: плавным, приличным, понятным, экзотически маркированным или приближенным к речевой шероховатости оригинала [10].

Теоретический поворот второй половины XX века важен для данной темы потому, что смещает вопрос с «совпадает ли перевод с оригиналом» на «какую культурную работу выполняет перевод». У.С. Басснетт и А. Лефевра перевод рассматривается как переписывание, зависящее от литературных, идеологических и институциональных условий принимающей культуры [1; 6]. Применительно к Тургеневу это означает: английская версия не просто передает реплики Базарова, а заново определяет допустимую резкость этих реплик и степень их культурной понятности.

Оппозиция доместикизации и форенизации помогает описать, в какую сторону перевод смещает тургеневский диалог. Доместицирующее решение делает реплику привычнее для английского читателя: заменяет неудобную телесность более нейтральной сатирой, сглаживает русский культурный оттенок, добавляет объяснение. Форенизирующее решение, напротив, оставляет сопротивление текста: непривычную номинацию, резкую физиологическую деталь, странность русской полемики [3]. В главе VI эти стратегии проявляются не как отвлечённые установки, а как конкретные лексические выборы.

Теория ретрансляции нужна здесь потому, что новые английские версии «Отцов и детей» появляются не в пустом месте. Каждый следующий перевод вступает в отношения с уже существующими решениями: может по-

вторить каноническую формулу, отказаться от прежнего эвфемизма, усилить разговорность или вернуть культурную странность, ранее сглаженную ради читабельности. В работах А. Бермана, И. Гамбье и Ш. Тахир-Гюрчаглар ретрансляция описывается как поле взаимодействия исходного текста, прежних переводов, издательских задач и нового читательского горизонта [2; 4; 9].

Поэтому диахронический анализ не должен ограничиваться перечнем отличий. Важно установить, какие отличия повторяются и какую культурную функцию они выполняют. В дальнейшем сопоставлении переводчик, дата издания, серия и предполагаемый читатель рассматриваются как условия, которые помогают объяснить выбор регистра, степень пояснения и допустимость резкости в передаче главы VI.

Материалом исследования служат фрагменты главы VI романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и их передачи в шести англоязычных переводах: Eugene Schuyler (1867), Constance Garnett (1895; в работе используется позднейшее издание текста перевода), C.J. Hogarth (1921), Richard Hare (1947), Richard Freeborn (1991), Nicolas Pasternak Slater & Maya Slater (2022). Выбор именно этого ряда обусловлен его диахронической репрезентативностью: переводы охватывают более полутора столетий англоязычной рецепции Тургенева и позволяют проследить смену норм литературного английского и ожиданий читателя.

Чтобы проследить «время культуры» в конкретном материале, недостаточно сопоставить русскую строку и английский эквивалент. Нужно учитывать, в какой ситуации перевод появился: был ли Тургенев новым русским автором, уже признанным классиком, объектом учебного чтения или текстом, который современный издатель стремится заново оживить для читателя. Именно поэтому в статье отдельно учитываются переводчик, тип издания и предполагаемая аудитория. Эти параметры объясняют, почему один перевод охотно использует риторику, другой делает фразу литературно гладкой, третий выбирает учебную прозрачность, а четвёртый возвращает диалогу телесность и резкость.

Юджин Скайлер — американский дипломат и один из первых посредников между Тургеневым и англоязычной аудиторией. *Ego Fathers and Sons* (New York: Leypoldt & Holt, 1867) выходит в момент, когда русская проза ещё нуждается в представлении и доверительной рамке. Поэтому показательна формула на титульном листе — “with the approval of the author”: она подтверждает не только авторизацию, но и право нового текста войти в чужую литературную среду. В таком контексте объяснительность, риторическая развёрнутость и смысловые замены оказываются не случайной свободой, а способом культурного ввода [12].

Версия Констанс Гарнетт относится к иной стадии рецепции. К концу XIX века русская литература уже начинает восприниматься как часть большого европейского чтения, а не как редкая дипломатико-литературная новинка. Норма Гарнетт связана с плавной повествовательностью и устойчивой читабельностью: синтаксис выравнивается, резкие места чаще входят в общий английский литературный регистр, а русская культурная специфика сохраняется без постоянного подчёркивания собственной чуждости [13].

Перевод Ч. Дж. Хогарта 1921 года появляется в серийной издательской рамке, рассчитанной на массовое обращение классики. Для него характерна книжная архаизация и стремление встроить конфликт романа в более объяснимую историко-идеологическую схему. Поэтому в отдельных местах Хогарт не столько сохраняет резкость реплики, сколько переводит её в регистр доктринального спора. Этот слой важен тем, что показывает перераспределение культурной нагрузки: живой укол диалога может стать более отвлечённой формулой [14].

Ричард Хэйр работает уже в послевоенной ситуации, где от классического перевода ожидается ясность без викторианской тяжеловесности. Его версия занимает промежуточное положение: она не стремится к грубой модернизации, но и не перегружает реплики книжной архаикой. Для анализа главы VI это существенно, поскольку Хэйр нередко сохраняет давление диалога, одновременно удерживая его в пределах литературной нормы середины XX века [15].

Фриборн переводит Тургенева в условиях устойчивой академической инфраструктуры. *Oxford World's Classics* задаёт другой тип ожиданий: текст должен быть не только читаемым, но и филологически ответственным, пригодным для учебного и исследовательского обращения. Поэтому у Фриборна заметно стремление сохранить социальную маркированность, разговорную фактуру и культурную дистанцию, не превращая роман в архаический музейный экспонат [16].

Перевод Н. Пастернака Слейтера и М. Слейтер создаётся уже после полуторавековой англоязычной истории романа. В этой ситуации новый перевод должен не столько впервые представить Тургенева, сколько вернуть читателю слышимость реплики и плотность сценического столкновения. Формат NYRB Classics поддерживает такую задачу: диалог становится более энергичным, сниженная лексика передаётся прямее, а культурная неоднозначность не спешит сглаживаться ради старой нормы «классической» плавности [17].

Для сопоставления выбраны четыре признака, которые в главе VI особенно чувствительны к норме эпохи: ироническая номинация, оценочная формула пользы,

телесно сниженная лексика и прагматическая рамка во-проса-нападения. Эти признаки удобны тем, что они не требуют гадать о намерениях переводчика: сдвиг виден прямо в слове, синтаксисе и типе речевой ситуации.

В разделе рассматриваются четыре микрофрагмента главы VI. Каждый из них проверяет перевод на отдельную зону чувствительности: сможет ли английский текст передать иронию этнонима, не сгладит ли базаровскую формулу полезности, что сделает с физиологически резким словом и как оформит короткий отпор «Что это, допрос?». Такой подбор материала позволяет видеть не случайную пестроту вариантов, а повторяемые решения, связанные с тем, какой уровень резкости и чуждости был допустим в разные периоды англоязычного чтения Тургенева.

В исходном тексте Павел Петрович употребляет форму «германцы» вместо нейтрального «немцы», причём автор специально уточняет, что такая замена сделана ради иронии, оставшейся незамеченной в диалоге. Перевод этого места важен тем, что он требует одновременно передать предметный смысл, социальную «позу» говорящего и авторскую ремарку о коммуникативном провале иронии [11].

Оригинал. «Говорят, германцы в последнее время сильно успели по этой части. — Да, немцы в этом наши учителя, — небрежно отвечал Базаров. Слово „германцы“, вместо „немцы“, Павел Петрович употребил ради иронии, которой, однако, никто не заметил» [11].

Schuyler (1867). "I have heard it asserted that the Dutch have made great progress in these sciences in the last few years." "Yes, the Germans are our masters in that respect," carelessly replied Bazarof. "Paul Petrovitch had employed the word Dutch with an ironical intention; but without producing much effect" [12].

Garnett (1895). "They say the Teutons of late have had great success in that line." "Yes; the Germans are our teachers in it," Bazarov answered carelessly. "The word Teutons instead of Germans, Pavel Petrovitch had used with ironical intention; none noticed it however" [13].

Hogarth (1921). "Well, I am told that the Germanics have made great strides in that department?" "True," was Bazarov's careless reply. "In fact, the Germans are, in the same respect, our masters." The narrator adds that Pavel Petrovich used the term "Germanics" instead of "Germans" ironically, but no one noticed it [14].

Hare (1947). "They say the Teutons have lately had great success in that line." "Yes, the Germans are our teachers in it," Bazarov answered carelessly. "Pavel Petrovich had used the word 'Teutons' instead of 'Germans' with an ironical intention, which, however, no one noticed" [15].

Freeborn (1991). "They say the Teutons have been very successful recently in that sort of thing." "Yes, the Germans are our teachers," Bazarov answered casually. "Pavel

Petrovich had used the word Teutons rather than Germans for the sake of an irony which, however, no one seemed to have noticed" [16].

Slater & Slater (2022). "They say that the Teutons have recently made great advances in the field." "Yes, the Germans are our masters there," Bazarov replied carelessly. "Pavel Petrovich had used the word 'Teutons' instead of 'Germans' for ironical effect, but nobody had noticed" [17].

У Скайлера необычность создаётся заменой Dutch при сохранении Germans в ответе Базарова. Формально сохраняется разрыв между двумя номинациями, но культурная логика меняется: вместо тонкого различия «германцы / немцы» возникает почти другое этническое поле. Гарнетт, Хэйр, Фриборн и Слейтеры выбирают Teutons / Germans; эта пара передаёт книжно-иронический оттенок и остаётся распознаваемой для английского читателя. Хогартовское Germanics / Germans звучит более искусственно и сильнее выделяет речевую позу Павла Петровича. В результате видно, что позднейшие версии меньше нуждаются в свободной смысловой подмене и чаще пытаются сохранить сам механизм неслышанной иронии [12–17].

Реплика Базарова о превосходстве химика над поэтом является одной из наиболее сжатых формул его утилитарного мышления. Здесь сталкиваются не только «наука» и «искусство», но и две модели культурной ценности: эстетическая, связанная с традиционным гуманитарным воспитанием Павла Петровича, и практико-полезностная, связанная с языком нового поколения [11].

Оригинал. «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, — перебил Базаров» [11].

Schuyler (1867). "A good chemist is twenty times more useful than the best poet," interrupted Bazarof [12].

Garnett (1895). "A good chemist is twenty times as useful as any poet," broke in Bazarov [13].

Hogarth (1921). "A good chemist is worth a score of your poets," remarked Bazarov [14].

Hare (1947). "A decent chemist is twenty times more useful than any poet," interrupted Bazarov [15].

Freeborn (1991). "A good chemist's twenty times more useful than a poet," said Bazarov [16].

Slater & Slater (2022). "A decent chemist is worth twenty poets," Bazarov interrupted [17].

Почти все переводы сохраняют количественную гиперболу «в двадцать раз / twenty times», но по-разному настраивают её полемическую силу. У Скайлера "the best poet" делает отрицание искусства особенно резким: химик оказывается полезнее даже лучшего поэта. У Гарнетт и Хэйра "any poet" звучит как общее снятие эстетической ценности. Хогарт с формулой "a score of your poets" переводит спор в более персональный выпад против мира Павла Петровича. Фриборн разговорно сжимает фразу

через “chemist’s”, а Слейтеры дают почти афористическое “worth twenty poets”. Меняется не тезис Базарова, а способ его звучания: от декларации до быстрой реплики в живом споре.

Реплика Базарова «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!» соединяет физиологически сниженную лексику с презрительной сатирой, а затем переходит к абстрактному спору о «науке вообще». Такая комбинация делает фрагмент особенно показательным с точки зрения границ речевой допустимости [11].

Оригинал. «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя! ... Значит, вы верите в одну науку? — Я уже доложил вам, что ни во что не верю; и что такое наука — наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, звания; а наука вообще не существует вовсе» [11].

Schuyler (1867). “The art of gaining money, and of curing one’s corns!” ... “You then believe in science only?” ... “There are sciences as there are trades and professions; there is no science in the meaning you give the word” [12].

Garnett (1895). “The art of making money or of advertising pills!” ... “Then you believe in science only?” ... “what is science—science in the abstract? There are sciences, as there are trades and crafts; but abstract science doesn’t exist at all” [13].

Hogarth (1921). “Er—I take it then that you decline to recognise art, but believe only in science?” ... “I have told you that I believe in nothing at all. What after all, is science—that is to say, science in the mass? A science may exist, even as a trade or a profession may exist; but about science in the mass, there is no such thing” [14].

Hare (1947). “The art of making money or of advertising pills!” ... “So, you believe in science only?” ... “abstract science just doesn’t exist” [15].

Freeborn (1991). “The art of making money, or no more haemorrhoids!” ... “And what’s this thing called science, science in general? There are sciences as there are trades and vocations. But science in general doesn’t exist at all” [16].

Slater & Slater (2022). “The Art of Making Money and The Art of Curing Hemorrhoids!” ... “What is science, anyway—science in the abstract? There are sciences, in the same way as there are trades and professions, but science as such doesn’t exist” [17].

Скайлер заменяет «геморрой» на corns и тем самым переносит телесную резкость в более безобидную область. Гарнетт и Хэйр выбирают advertising pills: физиология исчезает, но остаётся сатирический намёк на коммерческую псевдонаучность. У Хогарта этот участок сглажен ещё сильнее: вызывающая деталь почти выпадает, а диалог быстрее переходит к вопросу об искусстве и науке. Фриборн и Слейтеры возвращают прямой медицинский эквивалент haemorrhoids / hemorrhoids. Для поздних переводов такая конкретность уже не разрушает литературность, а работает как часть речевого пор-

трета Базарова. Параллельно меняется и философская часть реплики: от “in the meaning you give the word” и “science in the mass” перевод движется к более прозрачным “science in general”, “science in the abstract”, “science as such”.

Короткая реплика Базарова «Что это, допрос?» выполняет в оригинале функцию резкого разговорного отпора. Именно поэтому выбор английского эквивалента задаёт не только словарь, но и общий сценарий ситуации: это может быть бытовая колкость, юридическая процедура или политически окрашенное обвинение [11].

Оригинал. «Что это, допрос? — спросил Базаров» [11]. Schuyler (1867). “Is this a political inquisition?” asked Bazarov [12].

Garnett (1895). “What’s this, an examination?” asked Bazarov [13].

Hogarth (1921). “What is this?” suddenly countered Bazarov. “Is it an examination in tenets?” [14].

Hare (1947). “What is this, a cross-examination?” asked Bazarov [15].

Freeborn (1991). “What’s this—a cross-examination?” asked Bazarov [16].

Slater & Slater (2022). “What is this, an interrogation?” demanded Bazarov [17].

У Скайлера “political inquisition” резко расширяет масштаб сцены: бытовой отпор Базарова превращается в политически окрашенную ассоциацию. Гарнетт выбирает спокойное examination и тем самым снижает давление реплики. Хогарт, наоборот, уточняет её как “examination in tenets”, то есть переводит разговор в проверку убеждений. Хэйр и Фриборн с cross-examination сохраняют ощущение нажима вопросами, но удерживают его в бытово-юридической рамке. У Слейтеров interrogation и глагол demanded дают более прямую сценическую энергию. Поэтому один короткий вопрос показывает разные нормы конфликтности: раннее объясняющее расширение, срединную юридикацию и современную прямоту.

Четыре фрагмента складываются в общую картину. Ранний перевод чаще поясняет, риторизирует и смягчает неудобную резкость; версии конца XIX — середины XX века стремятся к литературной плавности и контролируемой конфликтности; поздние переводы охотнее сохраняют устную динамику, телесную конкретность и культурную неровность. Тем самым «время культуры» обнаруживается не в декларациях переводчиков, а в микрорешениях: в выборе этнонима, степени эвфемизма, силе глагола и допустимости разговорного давления.

Сопоставление шести английских переводов главы VI показывает, что различия между версиями нельзя свести к шкале «точнее — свободнее». Каждый перевод по-своему регулирует дистанцию между русским спором и

англоязычным читателем. Категория «время культуры» оказывается продуктивной именно на микроуровне: она объясняет, почему одна и та же реплика Базарова или Павла Петровича получает разную меру прямо́ты, книжности, пояснения и конфликтности.

Наиболее чувствительными зонами оказались четыре типа мест: ироническая номинация «германцы / немцы», формула пользы «химик / поэт», телесно сниженная реплика о геморрое и вопрос «Что это, допрос?». У Скайлера заметно стремление ввести русский текст в понятную англоязычную рамку, поэтому появляются расширения и смысловые замены. Гарнетт, Хогарт и Хэйр по-разному удерживают классическую читабельность: через сглаженность, книжность, юридическое или идеологическое кадрирование. Фриборн усиливает филологическую точность и контроль над маркированностью, а Слейтеры чаще возвращают разговорную энергию и телесную конкретность оригинала.

Ретрансляция в данном материале не выглядит линейным движением от ошибки к исправлению. Скайлер решает задачу первого культурного ввода; Гарнетт и другие канонизирующие версии закрепляют Тургенева в английской традиции; академические переводы сопровождают роман более ответственным отношением к контексту и речевой маркированности; современный перевод стремится заново услышать сценическую резкость диалога. Поэтому меняются не только слова, но и способ присутствия Тургенева в принимающей культуре.

Дальнейший анализ следует расширить за пределы главы VI: к заглавию, паратекстам, социальным реалиям, крестьянской речи, сценам с Фенечкой и Одинцовой, а также к финалу романа. Это позволит проверить, сохраняются ли выявленные типы сдвигов в других смысловых зонах и где влияние «времени культуры» оказывается сильнее: в лексике, комментарии, синтаксисе диалога или в общей рамке представления Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басснетт С., Лефевр А. (ред.). Перевод, история и культура. Лондон: Pinter Publishers, 1990. VIII, 133 с.
2. Берман А. Повторный перевод как пространство перевода // *Palimpsestes*. 1990. № 4. С. 1–7.
3. Венути Л. Невидимость переводчика: история перевода. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 1995. XII, 353 с.
4. Гамбье И. Повторный перевод: возвращение и обходной путь // *Meta*. 1994. Т. 39, № 3. С. 413–417.
5. Глызина В.Е., Горская Н.Е., Белоусова Е.С. Способы перевода обстоятельств времени и некоторых указателей времени с английского языка на русский // *Baikal Research Journal*. 2013. № 6. С. 26–26. URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=18669>.
6. Лефевр А. Перевод, переписывание и манипулирование литературной славой. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 1992. VIII, 176 с.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1992. 528 с.
8. Паюнена М.В. Язык как фактор социальных перемен // *Baikal Research Journal*. 2014. № 4. С. 31–31. URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=19317>.
9. Тахир Гюрчаглар Ш. Повторный перевод // *Энциклопедия переводоведения*. Т. 1 / под ред. И. Гамбье, Л. ван Дорслара. Амстердам; Филадельфия: John Benjamins, 2010. С. 233–236.
10. Тури Г. Дескриптивное переводоведение и за его пределами. Амстердам; Филадельфия: John Benjamins, 1995. VIII, 311 с.
11. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 7–188.
12. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. с одобрения автора Юджина Скайлера. Нью-Йорк: Leypoldt & Holt, 1867. VIII, 248 с.
13. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. Констанс Гарнетт. Лондон: William Heinemann, 1895. 358 с.
14. Тургенев И. Отцы и дети / пер. с рус. К. Дж. Хогарта. Лондон; Торонто: J.M. Dent & Sons; Нью-Йорк: E.P. Dutton & Co., 1921. IX, 276 с.
15. Тургенев И. Отцы и дети; Рудин / пер. Ричарда Хэра. Лондон: Hutchinson International Authors, 1947. 287 с.
16. Тургенев И. Отцы и дети / пер., ред., вступ. статья и примеч. Ричарда Фриборна. Оксфорд: Oxford University Press, 1991. 261 с.
17. Тургенев И. Отцы и дети / пер. Николаса Пастернака Слейтера и Майи Слейтер. Нью-Йорк: New York Review Books, 2022. 224 с.

© Леонов Максим Вадимович (leonovmaksimvad@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»